

СТИЛЬНАЯ

В истории моды сохраняются она прославилась дважды. Сначала как манекенщица Высокой моды. Потом модель сменила фамилию и перешла на другую сторону подиума. Так на свет появился фотограф с именем Сара и фамилией Мун, что значит: Луна. Камера фотографа Сары Мун видит то, что не принято видеть при свете солнца. Она знает модный мир таким, какой он есть, а не таким, каким хочет казаться. Будучи женщиной, моделью и фотографом одновременно, Сара Мун с легкостью переступает барьеры, неподвластные большинству именитых фэшн-фотографов мужского пола.

В работах лунной Сары разлит лунный свет и остановлено мгновение. Она ненавидит конкретику. Ее объектив не желает знать той правды жизни, которую подчас ищут всю жизнь. "Почему моя камера должна видеть то, что не хочу видеть я?" — разумно спрашивает Сара.

Сара не признает фотовспышку. "Есть много других простых технических решений, чтоб не слепить свою модель". Ее фотографии будто медовых женских тел — как тантрический секс и буддийская молитва: то же нескончаемое наслаждение для искушенного ценителя.

Сара Мун — дама с причудами. В Москву ее заставили приехать не столько мастер-класс на фестивале "Интерфото", и не столько обаяние фотокуратора Ольги Свибловой, а прежде всего слон. В Париже Сара увидела телесюжет, где Наталья Дурова сидела на слоне, а над ее головой, как вертолет, летал орел. В общем, Сару Мун два дня водили по московским улицам смотреть слона. Поэтому сначала ни о чем другом, кроме как о слоне Дуровой, Сара Мун говорить не могла:

— Я очень люблю слонов! Может быть, это связано с детством, с цирком. Меня интригуют животные, в них скрыта настоящая сила. Меня интересует цирк, отношения человека с животным. Ведь дрессировка не что иное, как чудо.

Я верю в чудеса. На мой взгляд, волшебство и поэзия — вполне обычные вещи, которые окружают человека в быту. Поэзия есть во всем — в цирке, в лицах, в облаках, в природе. Она везде окружает и поглощает нас. Но чудеса никогда не происходят, когда его ждешь. То же самое с поэзией: если вы зовете, ждете искусства, его, наоборот, не будет, оно уйдет. Если в моих фотографиях и есть поэзия, то не задуманная. Для меня поэзия приходит от Бога. Это моя удача. Нечто волшебное, сумасшедшее. Это я называю поэзией. Но ее нельзя спланировать.

— Что же тогда определяет удачу или успех съемки?

— На самом деле это просто везение. Если я захожусь в нужном месте в нужное время, я могу сделать снимки на "Полароид" и потом откорректировать их. Я могу снимать через каждые две минуты, и уже через две минуты ландшафт будет другой, свет будет другой. Иногда кадры получаются лучше, иногда хуже, но они никогда не повторяются.

Мода меняется по тем же законам, что и природа. Поэтому я делаю очень много снимков — мне нужна каждая секунда, чтобы поймать момент. Кажется, что есть только фотограф и модель. Но на самом деле это работа команды. Модель предлагает что-то, вы снимаете то, что делает она, но при этом вы не должны раздражать модель. Ведь она не видит, что вы делаете, а вы можете только отразить то, что делает модель. У вас нет ничего, кроме женщины, платья и света. Это минимум, который нужен для фотографии. Вы не можете сказать: "Я хочу этого и этого" — вы можете только сказать: "Почему бы нам не попробовать?" Это — чудо, здесь нет места логике. И для меня это очень долгий процесс. Некоторые фотографии быстро работают, а я очень медленно.

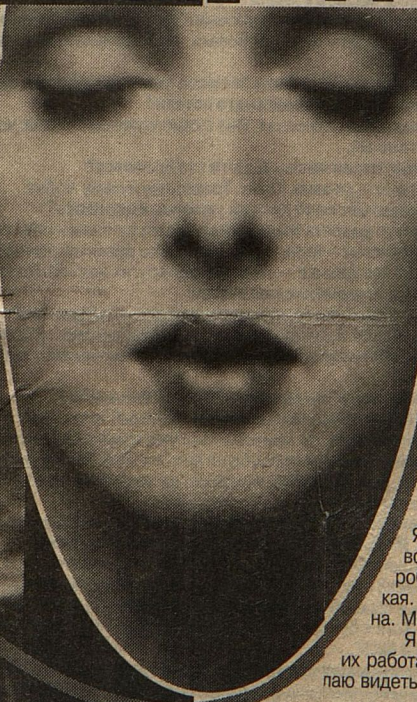
Иногда мне нравится работать в студии, но обычно я люблю работать в произвольной обстановке. Так, где-то... Где придется. Я не люблю ничего искусственного. По моему, красота рождается в обстановке абсолютной естественности, когда нет ничего, кроме формы и цвета.

— Есть ли разница между рекламной фотографией моды и просто фотографией моды?

— Модная фотография на протяжении многих лет расценивалась как коммерческая фотография. Фотография в моде — всего лишь бизнес. Мода представлена зрителям на фотографиях. Это — только трамплин для прыжка. И это — прелесть. Прелесть работать с цветом, формой, освещением, с элегантностью, с оптическим обманом, нереальностью, с вызовом. Фильмы — это дорогое искусство. Но это забавно. Я до сих пор наслаждаюсь фотографией. Но очень тяжело делать действительно хорошие фотографии. Они должны быть необычными. Это получается, когда снимаешь особенные вещи. Такие, как браслеты Карты или корсеты от Лакуа. Эти вещи вдохновляют. Например, одна из моих самых любимых работ по-прежнему фотография, которую я делал для Иссей Мияке, — прыгающая девушка. Мне многие потом говорили, что она получилась прямо как у Малевича. Это правда — я думала о Малевиче, когда снимала. Мне нравится так фотографировать.

Когда снимаешь моду, лучше работать с редакцией, они хоть и платят очень маленькие деньги, но вы можете делать почти все что хотите. В рекламе вам платят хорошие деньги, но вы должны создать настоящий рекламный продукт, причем заметный, привлекательный. Вы должны сделать свой продукт более красивым, волнующим. Стиль должен меняться, обгонять время, удивлять. Я пыталась проследить эволюцию марки "Кашарель" в одном из своих фильмов. Мой рекламный проект с "Кашарель" — мой первый успех, который сделал меня известной в мире фэшн-фотографии.

Сара Мун — мировая звезда модной фотографии. Работает по заказам журналов "Вог", "Харперс Базар", "Эль", "Штерн", без конца пишет монографии и книги, снимает фильмы. Сара Мун — обладательница Гран-при Fotobiennale в Париже в 1995 году, "Золотого льва" за фильм "Лулу", посвященный "Кашарели".

Мод. Фотограф. - Ирис - 1999. - с. 7

Модная фотография — это вся ваша фантазия, направленная на то, чтобы лучше показать платье или пальто. Сейчас на моду оказывает очень большое влияние маркетинг, у них есть свое видение, какой должна быть мода. Поэтому все фотографии стали очень похожими. Когда я начала фотографировать в конце 60-х годов, фотографии были действительно независимы в своих взглядах. Ричард Аведон и Ирвинг Пен. В те времена была свобода — это действительно интересно что-то придумать. Сейчас все по-другому — люди приходят ко мне уже со своими представлениями о том, как это должно выглядеть, поэтому я не знаю, как работать с рекламщиками, и стараюсь воздерживаться от откровенно рекламных съемок. Но я люблю снимать моду, поэтому приходится соглашаться на такие заказы, где дается свобода самому фотографу. Я люблю работать "за удовольствие", а не так, как это называют: "Работать за деньги". Но деньги тоже при этом должны платить.

Когда я снимала свои фильмы, то приходилось иметь дело со сценами, с разными историями. При этом я могла не знать точно, что это за история, с чего она началась и чем закончится. Теперь я больше увлечена абстракцией, цветом и формой в фотографии.

— Должен ли фотограф при съемках действительно любить свою модель, восхищаться ею?

— Модель при съемке, как и платье, всего лишь материал для создания знаков и символов на фотографии, которые должны отражать чувства фотографа. По крайней мере, я надеюсь, что мои фотографии выражают мои чувства.

Но, наверное, это не всегда срабатывает. Иногда вещи не работают дальше внешности. Мне же интересно то, что находится за пределами внешности. Это вкус загадки для меня. Если бы я знала, как приготовлены некоторые блюда, я бы потеряла к ним интерес. Я предпочитаю находиться в столовой и наслаждаться вкусом, а не подсматривать за кухаркой.

Сейчас все фотографы рассматривают себя как художников. Я считаю, что любая попытка — уже художественный шаг. Но только время сможет показать, насколько вы художник. Сейчас все хотят стать модными фотографами, потому что для этого необязательно уметь рисовать, писать, фотографировать! Вам не надо знать ничего! Вам просто надо знать то, что вы хотите выразить. И это уже искусство. И за это готовы платить.

А что касается анатомии, я работала с обнаженными натурщицами. Но мне нравится обнаженная женская натура, только когда она очень круглая. Но сделать что-то интересное с обнаженной натурой очень трудно, потому что все работают с обнаженными. Я делала несколько удачных фотографий обнаженных, ничего особенного, но очень мило.

Вообще-то в женском теле я больше всего люблю спины. Это не шутка. Я действительно люблю вид со спины. Я считаю спину очень загадочной, и мне нравится показывать лицо со спины. Спина дает больше простора для фантазии. Когда я вижу чей-то портрет, я не хочу знать, как она выглядит со спины, но, когда я смотрю на спину, я очень хочу узнать, какая же у нее голова и лицо.

У моих любимых моделей есть чувство движения и особая пластика. Это очень важно. Женщина может быть очень красивой, но нудной моделью. Позировать фотографу — тяжелое занятие и большой талант. Ведь съемка на самом деле — это хореография. Очень важно чувствовать тело и уметь это выразить. В этом плане мне очень нравятся русские. У меня работают две русские модели. Одна из них Одри Чехова. Даже на улицах я всегда отмечаю русские лица. В них что-то есть. Что-то грустное, меланхоличное. Разлитая во всем облике ностальгия, которая так притягивает к себе взгляд. Но я ничего не имею против меланхолии.

Еще я очень люблю японок. Они очень хорошо двигаются. Когда японка позирует в студии, кажется, что ты запаян в одной стеклянной колбе с орхидеей, настолько хрупкой становится все вокруг. Вот за эту хрупкость, нежность, мимолетность я так люблю работать с японками.

Но если японские модели воплощают хрупкость, то японские дизайнеры — революционную смелость. Они полностью изменили европейские представления о моде. Японцы создали новую архитектуру для женщин. Ведь с начала века, после смерти корсета, женская одежда утратила всякую форму. А японцы вернули нам форму, создав свою архитектуру. Они абсолютно не похожи на европейцев. Больше всех люблю Иссей Мияке — он просто великолепен.

— Японскую моду принято воспринимать как многослойную, сложную и зашифрованную. Как все это выразить на фотографии?

— Для этого у каждого фотографа есть свои приемы. Например, составить композицию. Я думаю, что, если нет композиции, нет и фотографии. Но это не мое открытие, в этом убеждены многие. Особенно это чувствуется в кино, ведь там каждый жест, движение или предмет говорят о чем-то, это сигналы к чему-то. Композиция — основная часть работы. Для меня композиция так же важна, как и свет. Они не могут существовать раздельно, они действуют вместе. Это и есть настоящая фотография. Чувство дизайнера, чувство пропорции.

Я работаю с небольшим количеством света. Я не люблю вспышку. Но на моих фотографиях всегда можно разглядеть все до мельчайших подробностей. Может быть, это оттого, что я близорукая. Я люблю, чтобы каждая деталь была хорошо видна. Мне удалось добиться такого качества.

Я стараюсь избежать грубости и жестокости в моих работах. Зачем моему объективу видеть то, что не желаю видеть я сама?..

Беседовала Яна ЖИЛЯЕВА.

Sara Mune

10.11.99

СТИЛЬНАЯ

В истории моды сохраняются она прославилась дважды. Сначала как манекенщица Высокой моды. Потом модель сменила фамилию и перешла на другую сторону подиума. Так на свет появился фотограф с именем Сара и фамилией Мун, что значит: Луна. Камера фотографа Сары Мун видит то, что не принято видеть при свете солнца.

Она знает модный мир таким, какой он есть, а не таким, каким хочет казаться. Будучи женщиной, моделью и фотографом одновременно, Сара Мун с легкостью переступает барьеры, неподвластные большинству именитых фэшн-фотографов мужского пола.

В работах лунной Сары разлит лунный свет и остановлено мгновение. Она ненавидит конкретику. Ее объектив не желает знать той правды жизни, которую подчас ищут всю жизнь. "Почему моя камера должна видеть то, что не хочу видеть я?" — разумно спрашивает Сара.

Сара не признает фотовспышку. "Есть много других простых технических решений, чтоб не слепить свою модель". Ее фотографии будто медовых женских тел — как тантрический секс и буддийская молитва: то же нескончаемое наслаждение для искушенного ценителя.

Сара Мун — дама с причудами. В Москву ее заставили приехать не столько мастер-класс на фестивале "Интерфото", и не столько обаяние фотокуратора Ольги Свибловой, а прежде всего слон. В Париже Сара увидела телесюжет, где Наталья Дурова сидела на слоне, а над ее головой, как вертолет, летал орел. В общем, Сару Мун два дня водили по московским улицам смотреть слона. Поэтому сначала ни о чем другом, кроме как о слоне Дуровой, Сара Мун говорить не могла:

— Я очень люблю слонов! Может быть, это связано с детством, с цирком. Меня интригуют животные, в них скрыта настоящая сила. Меня интересует цирк, отношения человека с животным. Ведь дрессировка не что иное, как чудо.

Я верю в чудеса. На мой взгляд, волшебство и поэзия — вполне обычные вещи, которые окружают человека в быту. Поэзия есть во всем — в цирке, в лицах, в облаках, в природе. Она везде окружает и поглощает нас. Но чудеса никогда не происходят, когда его ждешь. То же самое с поэзией: если вы зовете, ждете искусства, его, наоборот, не будет, оно уйдет. Если в моих фотографиях и есть поэзия, то не задуманная. Для меня поэзия приходит от Бога. Это моя удача. Нечто волшебное, сумасшедшее. Это я называю поэзией. Но ее нельзя спланировать.

— Что же тогда определяет удачу или не успех съемки?

— На самом деле это просто везение. Если я захожу в нужном месте в нужное время, я могу сделать снимки на "Полароид" и потом откорректировать их. Я могу снимать через каждые две минуты, и уже через две минуты ландшафт будет другой, свет будет другой. Иногда кадры получаются лучше, иногда хуже, но они никогда не повторяются.

Мода меняется по тем же законам, что и природа. Поэтому я делаю очень много снимков — мне нужна каждая секунда, чтобы поймать момент. Кажется, что есть только фотограф и модель. Но на самом деле это работа команды. Модель предлагает что-то, вы снимаете то, что делает она, но при этом вы не должны раздражать модель. Ведь она не видит, что вы делаете, а вы можете только отразить то, что делает модель. У вас нет ничего, кроме женщины, платья и света. Это минимум, который нужен для фотографии. Вы не можете сказать: "Я хочу этого и этого" — вы можете только сказать: "Почему бы нам не попробовать?" Это — чудо, здесь нет места логике. И для меня это очень долгий процесс. Некоторые фотографии быстро работают, а я очень медленно.

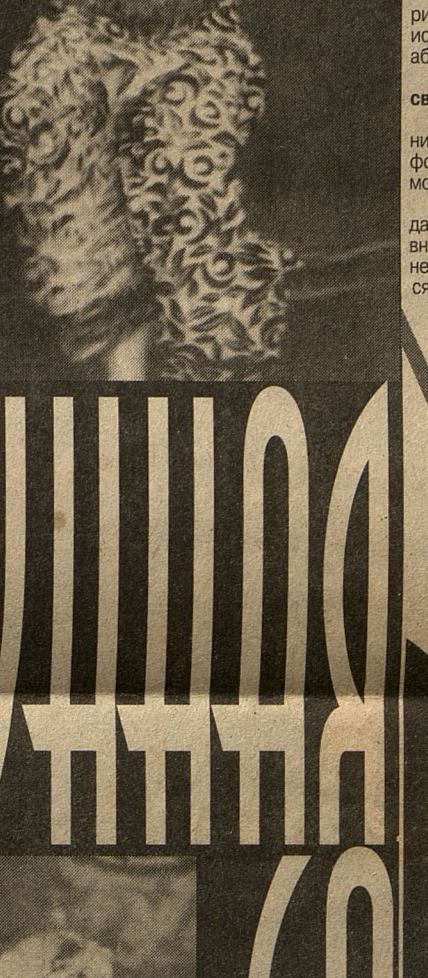
Иногда мне нравится работать в студии, но обычно я люблю работать в непроизвольной обстановке. Так, где-то... Где придется. Я не люблю ничего искусственного. По-моему, красота рождается в обстановке абсолютной естественности, когда нет ничего, кроме формы и цвета.

— Есть ли разница между рекламной фотографией моды и просто фотографией моды?

— Модная фотография на протяжении многих лет расценивалась как коммерческая фотография. Фотография в моде — всего лишь бизнес. Мода предназначена зрителям на фотографиях. Это — только трамплин для прыжка. И это — прелесть. Прелесть работать с цветом, формой, освещением, с элегантностью, с оптическим обманом, нереальностью, с вызовом. Фильмы — это дорогое искусство. Но это забавно. Я до сих пор наслаждаюсь фотографией. Но очень тяжело делать действительно хорошие фотографии. Они должны быть необычными. Это получается, когда снимаешь особенные вещи. Такие, как браслеты Картье или корсеты от Лакруа. Эти вещи вдохновляют. Например, одна из моих самых любимых работ по-прежнему фотография, которую я делала для Иссей Мияке, — прыгающая девушка. Мне многие потом говорили, что она получилась прямо как у Малевича. Это правда — я думала о Малевиче, когда снимала. Мне нравится так фотографировать.

Когда снимаешь моду, лучше работать с редакцией, они хоть и платят очень маленькие деньги, но вы можете делать почти все что хотите. В рекламе вам платят хорошие деньги, но вы должны создать настоящий рекламный продукт, причем заметный, привлекательный. Вы должны сделать свой продукт более красивым, волнующим. Стиль должен меняться, обгонять время, удивлять. Я пыталась проследить эволюцию марки "Кашарель" в одном из своих фильмов. Мой рекламный проект с "Кашарель" — мой первый успех, который сделал меня известной в мире фэшн-фотографии.

Сара Мун — мировая звезда модной фотографии. Работает по заказам журналов "Vogue", "Харперс Базар", "Эль", "Штерн", без конца пишет монографии и книги, снимает фильмы. Сара Мун — обладательница Гран-при фотобиеннале в Париже в 1995 году, "Золотого льва" за фильм "Лулу", посвященный "Кашарели".

Модная фотография — это вся ваша фантазия, направленная на то, чтобы лучше показать платье или пальто. Сейчас на моду оказывает очень большое влияние маркетинг, у них есть свое видение, какой должна быть мода. Поэтому все фотографии стали очень похожими. Когда я начала фотографировать в конце 60-х годов, фотографии были действительно независимы в своих взглядах. Ричард Аведон и Ирвинг Пен. В те времена была свобода — это действительно интересно что-то придумать. Сейчас все по-другому — люди приходят ко мне уже со своими представлениями о том, как это должно выглядеть, поэтому я не знаю, как работать с рекламщиками, и стараюсь воздерживаться от откровенно рекламных съемок. Но я люблю снимать моду, поэтому приходится соглашаться на такие заказы, где дается свобода самому фотографу. Я люблю работать "за удовольствие", а не так, как это называют: "Работать за деньги". Но деньги тоже при этом должны платить.

Когда я снимала свои фильмы, то приходилось иметь дело со сценариями, с разными историями. При этом я могла не знать точно, что это за история, с чего она началась и чем закончится. Теперь я больше увлечена абстракцией, цветом и формой в фотографии.

— Должен ли фотограф при съемках действительно любить свою модель, восхищаться ею?

— Модель при съемке, как и платье, всего лишь материал для создания знаков и символов на фотографии, которые должны отражать чувства фотографа. По крайней мере, я надеюсь, что мои фотографии выражают мои чувства.

Но, наверное, это не всегда срабатывает. Иногда вещи не работают дальше внешности. Мне же интересно то, что находится за пределами внешности. Это вкус загадки для меня. Если бы я знала, как приготовлены некоторые блюда, я бы потеряла к ним интерес. Я предпочитаю находиться в столовой и наслаждаться вкусом, а не подсматривать за кухаркой.

Сейчас все фотографии рассматривают себя как художников. Я считаю, что любая попытка — уже художественный шаг. Но только время сможет показать, насколько вы художник. Сейчас все хотят стать модными фотографами, потому что для этого необязательно уметь рисовать, писать, фотографировать! Вам не надо знать ничего! Вам просто надо знать то, что вы хотите выразить. И это уже искусство. И за это готовы платить.

А что касается анатомии, я работала с обнаженными натурщицами. Но мне нравится обнаженная женская натура, только когда она очень круглая. Но сделать что-то интересное с обнаженной натурой очень трудно, потому что все работают с обнаженными. Я делала несколько удачных фотографий обнаженных, ничего особенного, но очень мило.

Вообще-то в женском теле я больше всего люблю спину. Это не шутка. Я действительно люблю вид со спины. Я считаю спину очень загадочной, и мне нравится показывать лицо со спины. Спина дает больше простора для фантазии. Когда я вижу чей-то портрет, я не хочу знать, как она выглядит со спины, но, когда я смотрю на спину, я очень хочу узнать, какая же у нее голова и лицо.

У моих любимых моделей есть чувство движения и особая пластика. Это очень важно. Женщина может быть очень красивой, но никудышной моделью. Позировать фотографу — тяжелое занятие и большой талант. Ведь съемка на самом деле — это хореография. Очень важно чувствовать тело и уметь это выразить. В этом плане мне очень нравятся русские. У меня работают две русские модели. Одна из них Одри Чехова. Даже на улицах я всегда отмечаю русские лица. В них что-то есть. Что-то грустное, меланхоличное. Разлитая во всем облике ностальгия, которая так притягивает к себе взгляд. Но я ничего не имею против меланхолии.

Еще я очень люблю японок. Они очень хорошо двигаются. Когда японка позирует в студии, кажется, что ты заперт в одной стеклянной колбе с орхидеей, настолько хрупким становится все вокруг. Вот за эту хрупкость, нежность, мимолетность я так люблю работать с японками.

Но если японские модели воплощают хрупкость, то японские дизайнеры — революционную смелость. Они полностью изменили европейские представления о моде. Японцы создали новую архитектуру для женщин. Ведь с начала века, после смерти корсета, женская одежда утратила всякую форму. А японцы вернули нам форму, создав свою архитектуру. Они абсолютно не похожи на европейцев. Больше всех люблю Иссей Мияке — он просто великолепен.

— Японскую моду принято воспринимать как многослойную, сложную и зашифрованную. Как все это выразить на фотографии?

— Для этого у каждого фотографа есть свои приемы. Например, составить композицию. Я думаю, что, если нет композиции, нет и фотографии. Но это не мое открытие, в этом убеждены многие. Особенно это чувствуется в кино, ведь там каждый жест, движение или предмет говорят о чем-то, это сигналы к чему-то. Композиция — основная часть работы. Для меня композиция так же важна, как и свет. Они не могут существовать раздельно, они действуют вместе. Это и есть настоящая фотография. Чувство дизайна, чувство пропорции.

Я работаю с небольшим количеством света. Я не люблю вспышку. Но на моих фотографиях всегда можно разглядеть все до мельчайших подробностей. Может быть, это оттого, что я близорукая. Я люблю, чтобы каждая деталь была хорошо видна. Мне удалось добиться такого качества.

Я стараюсь избежать грубости и жестокости в моих работах. Зачем моему объективу видеть то, что не желаю видеть я сама?..

Беседовала Яна ЖИЛТЯЕВА.

10.11.1999

Яну Сару